

— **Одег, а вы сами-то в это верите?**
 — Верю, когда узнаю, что умер мой ровесник. Начинаю понимать, что звенит звоночек. 22 июля мне исполняется 48. Различные продюсеры предлагают начинать готовить юбилейное шоу — скоро 50, что-то надо придумывать.

— **А если просто сбежать куда-нибудь с друзьями?**
 — Народ не поймет.

— **Положение звезды обязывает?**
 — Да не в этом дело. Хотя, конечно, существует выражение "так принято". Просто меня многие захотят поздравить. Лучше организовать какой-то концерт, шоу, где бы мои друзья и коллеги смогли это сделать.

— **Вы, наверное, впервые будете там петь, как говорится, во фразе?**
 — Действительно, есть определенные рамки, о которых я раньше и не задумывался. Например, во что я одет, как я выгляжу. Постепенно начинаю понимать, что нужно по-разному одеваться. Скажем, я могу и босиком прийти на какую-то церемонию, но

Мне настолько осточертело заниматься музыкой, что я стал искать какую-то альтернативу. Родители думали, что сын идет заниматься на скрипке, а я на самом деле брал футляр и уходил заниматься спортом. И параллельно поступил в художественную школу по классу лепки.

— **То есть Эрнста Неизвестного из вас не получилось?**
 — Эрнст может спать спокойно. Рисовал, друзья хвалили. Но не получилось. Таким образом, я перебирал, перебирал и опять вернулся к музыке. Из меня не получилось ученого, но я занимался холодильной техникой, наукой. Даже есть научные статьи, по которым до сих пор студенты учатся, просто они не думают, что это тот самый Газманов. Тот самый! Был даже участником международного конгресса по холоду.

— **Вы будете приурочивать биологический юбилей к творческому? Ну, как теперь принято: "50 лет в жизни, 40 — на эстраде"?**
 — Если честно, я не хочу пафосного юбилея. Юбилеи — это когда много цветов, а ты все еще

забирают. Это наша общая беда.

— **То есть отсюда и кризис новых имен?**
 — Да, кризис налицо. В шоу-бизнесе масса денег проходит мимо государства и мимо авторов. Эти деньги могли быть направлены на новые имена. Если бы мне конкретно шли деньги за пластинки, я мог бы продюсировать какие-то группы. Я бы мог выделить какие-то средства на раскрутку каких-то новых имен. Сейчас самого себя трудно поддерживать.

— **Вы говорили как-то, что у нас на эстраде кризис мелодий.**

— Не только у нас, это во всем мире. Я считаю, что рэп — это явный кризис мелодий. Рэп — это анекдот или история, рассказанные под ритм.

— **То есть идет упрощение музыки?**

— Внимание публики привлекается за счет аранжировок и какой-то палитры новых звуков. А мелодии нивелируются, упрощаются из-за того, что нет композиторов такого уровня, как Маккартни, Стиви Уайндер.

— **Грустно за музыку?**

ворю ему, как примерно играть, плачу ему, не выходя из кабинета, по кредитной карте, и я имею его запись в своей фонотеке. Теоретически это возможно.

Я должен следить за звуками, за инструментами, обновлять студию, аппаратуру, следить за микрофонами, чтобы голос звучал не хуже, чем у западного певца. Для этого нужно выкладываться. Я за этим слежу.

— **Вы больше композитор или поэт? Делали для себя такое разделение?**

— Сначала я был композитором. Не писал стихов, у меня в голове была музыка. Я отдаю себе отчет в том, что если я пишу танцевальную музыку, стихи в ней имеют меньшее значение. Но тем не менее я не могу себя подгонять.

Кстати, меня недавно приняли в Союз писателей. Римма Казакова вручила билет. Это очень приятно. Случилось это практически сразу после того, как на "Площади звезд" заложили мою звезду.

Трудно сказать, кто я больше: поэт, композитор или артист. Это общий комплекс. У меня иногда возникает стихи без музыки. Получилось без музыки — я уже не сочиняю музыку к этому.

— **Музыка, поэзия. Что еще?**

— Сегодня мне интересно выступать режиссером многих программ. Или Московского музыкального фестиваля "Сердце России". В Дни Москвы мы уже выступили с этим фестивалем. Это большая работа, мне это безумно интересно.

Я пою, выступаю в разных программах, вижу ошибки: как снимает телевидение, как делают сцену. Даже от порядка выступления артистов зависит воздействие на публику. Этот механизм очень интересен.

— **Но в творчестве есть что-то, что невозможно просчитать на компьютере?**

Что-то из русских поэтов двадцатого века писал, что невозможно представить Сергея Есенина в преклонном возрасте. Опирающегося на клюку Александра Сергеевича — пожалуйста. Бодрящегося и подкрашивающего седые волосы Лермонтова — извольте. Даже Маяковский хоть как-то, но смотрелся бы в интерьере дома престарелых поэтов. Есенин — никогда. Мне почему-то вспомнились эти строки, когда я брел по раскаленной от июньского солнца асфальтовой ниточке-тропинке Серебряного Бора к дому моего собеседника. Вы поверите — Газманову скоро стукнет полвека.

Олег ГАЗМАНОВ: "Реестр жизни составит Господь"

это будет уже эпатаж. А это — не совсем мое.

— **Вы не любите эпатировать публику своим внешним видом?**

— Я люблю удобную одежду. Когда мне вручали пятую "Овацию", я надел галстук, пиджак и даже высидел до конца. Большое испытание — так долго сидеть. Испытание — надевать нечто такое, в чем неудобно прыгать, я человек подвижный, спортивный.

Или, например, — встречаться с журналистами. Это необходимо, хотя и не всегда приятно. Талантливых людей не так много. Как, кстати, и артистов. Но мои интервью — это тоже определенное обязательство, меня знает множество людей, значит, нужно через журналистов передавать какую-то информацию.

— **Такой профессионализм достоин Голливуда или НХЛ.**

— Если я знаю, что у меня съемка, какое-то ответственное выступление, то накануне стараюсь не загуливать допоздна. Я должен быть в форме. Ведь если выйду на публику с помятой физиономией, этот факт будет обсуждаться.

— **Такой подход, согласитесь, редкость среди наших?**

— Я профессионально занимался спортом, и тогда это уже накладывало определенный отпечаток, я дисциплинированный человек. Никто из моей команды в любом концертном туре меня не ждет. Наоборот, я жду своих артистов.

Спокойны и продюсеры, и менеджеры, которые работают со мной. У меня нет такого, что, допустим, подали лимониз не того цвета. С другой стороны, у меня есть определенный статус. "Запорожец" я не потерял. Но не потому, что плохая машина, а потому, что на меня смотрят люди, обсуждают. Особенно в туре по Америке, где мы следили и даже заранее продумывали, какие машины будут подъезжать.

Это определенный статус, нужно следовать определенному протоколу. Я не могу по-другому сделать. Я люблю водить машину, я отдыхаю за рулем, даже если в Москве не протолкнуться. Я с азартом пробиваюсь через все пробки. Это меня успокаивает. Не люблю, когда машину ведет шофер, не привык, что меня кто-то куда-то везет.

— **Психоаналитики, услышав про это, скажут, что у вас сильно выраженный инстинкт самца...**

— Да, в этом смысле я самец. Я люблю сам себя возить. Если бы случилось так, что я не мог бы петь, продюсировать, я стал бы шофером.

— **Олег, а бывало в жизни что-то, за что вы брались и не получалось?**

— Совсем не получалось? Представьте, сначала не получалось заниматься музыкой.

Меня отдали в музыкальную школу очень рано — пяти с половиной лет. Подруга моей мамы, аккомпанирующая дама, сказала, что я настолько хорошо чувствую музыку, что надо немедленно меня сдать на скрипку. У меня хороший слух и так далее. Я три или четыре года занимался на скрипке, возненавидел ее и все, что связано с музыкой. Так что официального похода за музыкой у меня не получилось.

жив. Не хотелось бы, чтобы меня запедестали. Я хочу все время говорить, что я действующий, ребята. Хотя некоторые продюсеры считают, что я — "не формат".

— **У Газманова тоже существует "не формат"?**

— Формат телевидения или радиостанции — это тот формат, который подходит их зрителям или радиослушателям. Мои последние работы, такие, как "Улетай", — это абсолютный формат, он выстроен на молодежь.

После песни "Мне не нравится дождь" было много звонков, и журналисты мне говорили, что я стал таким суперсексуальным. Хотя я просто растегнул две пуговицы на рубашке и обнажил грудь и живот. Остальные, кажется, все давно пообнажили. Я понял, что нужно обнажаться аккуратно. Не сразу, а постепенно. Тогда процесс обнажения растянется на годы. В конце творческой карьеры, если наконец гульффик, ширинка растегнется, народ вообще в отпаде будет. Так что я начал обнажаться, надеюсь, что надолго хватит.

— **Шутки-то у вас грустные. С вас тянут деньги за телевидение?**

— Если я раскручиваю свой новый ролик, клип, естественно, что без денег этот клип не ставят в музыкальную программу.

— **Мы начали говорить о гастролях в Америке, про авторские. Там обратная история: тебе платят за то, что твою музыку используют.**

— Я с одной американкой, даже с двумя, написал совместную песню. Был такой проект "Музыка громче слов". Они приехали сюда, в Россию. Это было лет десять назад, в самом начале перестройки. Меня знали как композитора и исполнителя песни "Люси" (тогда не было ни "Эскадрона", ни других песен). Меня пригласили, и мы написали вместе одну песню.

Когда написали, американка сразу, они без комплексов, спрашивает: какие гонорары, как тут живут. Когда я назвал предположительный гонорар с миллионных тиражей — у меня тогда сингл вышел, там три песни было: "Люси", "Ямайка" и еще какая-то, — порядка 25—30 рублей с копейками, они подумали, что я шпикон из КГБ.

Я тоже у нее спросил про гонорары. Миллионы и миллионы, сотни миллионов долларов. Получает больше, чем многие звезды в Америке. Она просто пишет музыку и стихи. Скажем, ее песню из фильма "Армагеддон" поет "Аэросмит", также Майкл Болтон, многие артисты поют ее песни.

Скажем, мои песни тоже многие артисты поют: Киркоров, Долина, Кобзон, тем не менее на моих доходах это не отражается. Моих гонораров едва хватает, чтобы заплатить за радиотелефон. Мне повезло, что я артист, делаю концерты и получаю какие-то деньги. А композитора, которые не поют, приходится туго, конечно. Подпольно ходят миллионы или даже миллиарды с продаж, но пираты все

— Грустно не только за музыку, грустно вообще за страну. Понимаете, шоу-бизнес — это тоже бизнес, здесь, как в капле воды, все видно. Почему, например, покупают окорочка на Западе, везут их сюда, растаможивают, и получается выгоднее, чем здесь этих кур выращивать. Казалось бы, вот же сколько земли, полей, травы. Вырастил кур и съел с большим удовольствием без всяких консервантов, заморозки. Нет. Почему-то выгоднее западные.

Я не специалист в этом, но в музыке получается то же самое. Музыка западную везут. Законы такие.

— **Вы были на Олимпе уже в советские времена. Тогда существовали такие же волчьи законы?**

— Я попал в самое начало перестройки. А мог бы и раньше попасть, если бы не идеологический пресс. Вот такая, казалось бы, безобидная песня, как "Ямайка". "Снится ночами Ямайка". А почему, говорят, Ямайка снится, а не Тверь или не Калуга?

Когда Родион пел песню "Люси", ее сразу запретили...

— **Да, бездомная собака...**

— Которая забеременела и родила двух щенков. Был такой пресс. Тогда было плохо и сейчас не очень хорошо. Истина где-то посередине. Цензура тоже какая-то нужна, хотя бы элементарная.

Нужна некая комиссия, состоящая из профессионалов, артистов. Ну что-то между цензурой и свободой.

— **А вы не замечаете, что с возрастом стали ворчать?**

— Нет. Я по телевизору никогда не ворчу: вот, мол, молодежь, фонограммки. Ворчи не ворчи, есть реальность этой жизни.

У Курта Воннегута есть гениальное изречение: "Такова структура данного момента". Бессмысленно окружающий мир переделывать под себя. Вот Андрей Макаревич считает, что: "Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше мир прогнется под нас". Очень красивая фраза, но абсолютно не соответствующая жизни. Прогибаться, может быть, не стоит, но соответствовать изменяющемуся миру необходимо.

Если ты не меняешься, значит, ты — пень старый, из тебя песок сыплется. Как только ты начинаешь ворчать и не прогибаться, не соответствовать. А я стараюсь быть гибким.

— **Чувствуете, как меняется мода в музыке?**

— Да, конечно. Эпохально это прослеживается вместе с изменением скоростей машин, самостетов, вместе с технической эволюцией меняется музыка. Стоит или не стоит прогибаться — музыка соответствует, ритмы жизни ускоряются, эмоциональное поле расширяется.

Теоретически я могу по Интернету связаться с Эриком Клэптоном, договориться с ним, что он сыграет мне партию гитары. Я ему передаю уже записанную фонограмму с барабанщиком, басистом, го-

— Конечно. Я это чувствую. Многие говорили: это никогда не будет шлягером. А я говорю: нет, это может получиться. И получалось. И наоборот.

— **Популярность Лужкова не прибавляет завистников вам и вашему творчеству?**

— Вообще, любой успех прибавляет. Когда узнали, что у нас с Лужковым близкие, дружеские отношения, только ленивый журналист меня не лнул ногой за мою ангажированность. Я сначала очень расстраивался. Думаю: как же так? Сначала говорили, что Лужков заказал мне песню "Москва". Хотя можно посмотреть по датам — он впервые ее услышал спустя полгода после появления моей программы "Господа офицеры". Потом стали писать какие-то безумные статьи, что мне сотни тысяч долларов давали на клип, хотя видеоклип "Мой храм" — самый дорогостоящий из всех клипов в моей работе, а спонсором был московский коммерческий банк. Я везде это говорил, но не пишут "Совинбанк", почему-то говорят, что это реклама банка, а пишут "Лужков", понимаете? Парадоксальная ситуация.

— **У Лужкова еще есть и Церетели...**

— Я ничего не имею против того, чтобы мое имя упоминали рядом с именем Лужкова. Но упоминают таким образом — ангажированный артист, любимаец Лужкова. Лужкову какая-то музыка нравится, какая-то — нет. То, что моя музыка ему нравится, говорит о том, что он нормальный человек.

Музыка пишется для нормальных, позитивных, здоровых людей, которых, к счастью, большинство в нашей стране. Поэтому, наверное, большинство людей меня любят. И Лужков — в том числе.

Я очень благодарен Юрию Михайловичу за очень проникновенные слова на закладке моей "звезды". Он сказал, что многие мои песни останутся в антологии российской музыкальной культуры наших дней. Я растрогался.

Кстати, песни, про которые эти слова сказаны — "Мой храм", "Офицеры", "Москва", — не попали ни на одну строчку ни одного хит-парада.

— **Но эти песни вы возьмете с собой в новое тысячелетие из своего багажа?**

— Для меня этот переход из века в век, вообще всякие даты не очень существенны. Ну, вошли в 2000 год, и что? Компьютеры — они могут прыгнуть, они творение рук человеческих.

А вот дерево изменится? Вот оно растет у меня во дворе, оно что, помет, что новый век наступил? Оно растет, борется за свою жизнь, питается соками земли. Трава тоже не помет. Почему же люди должны остановиться и закричать: "А! Конеч света!" Ничего подобного. Время относительно. Хронометраж придуман человеком. А по старому летоисчислению — другой срок. 2000 год — это конец века, не конец жизни. Все пойдет дальше.

— **А как же составление реестра прожитого, насколько?**

— Господь реестр составит.

Андрей МОРОЗОВ.